

ЭСПЕРАНТО НА ФРАНЦУЗСКОМ

«Утро понедельника». Режиссер Отар Иоселиани

Ника ДРАБКИНА

Винсан просыпается утром каждого понедельника, вторника и остальных будней ровно в семь. Скривясь, провожает взглядом бесформенную массу в ночной рубашке, с трудом узнавая в ней любимую супругу. Выходя из дома, надевает зеленые тапочки, доходит в них до машины, снимает зеленые тапочки. Заводит автомобиль. Закуривает. Едет до станции. Садится в поезд, бросив окурок одновременно с тысячей таких же замученных жизнью «винсанов». Приезжает на завод. Весь день паяет, обедает, курит и тушит сигареты, потому что на заводе курить нельзя. Уезжает с завода. Выходит из машины. Надевает зеленые тапочки, доходит до порога, снимает зеленые тапочки.

Предсказуем, как прогноз синоптиков. Один раз взбрыкнулся как погода – позволил себе проделывать все то же, только без конечной цели – миновал завод. В результате оказался в Венеции. Где встретил точно такого же «винсана», ежедневно совершаю-

щего похожие действия. Сначала Винсан-француз еще пытался себя убедить в том, что Винсан-итальянец не в пример счастливее, втолковывал местному падре, что вот у него на родине вино не является духовной пищей, а только сопутствует трапезе, что... Впрочем, падре вскоре отошел в кусты, заскучав, и Винсан все же понял – везде все одинаково.

Везде люди каждое утро просыпаются, чтобы повторить в точности вчерашний день, сказать

вчерашние слова и немного погрустить по этому поводу. Везде они одержимы какой-нибудь манией – немощный почтальон вскрывает чужие письма над кипятком и заглаживает их потом утюгом, лорд-итальянец (в исполнении режиссера Отара Иоселиани) закрывает дыры в когда-то дорогих коврах паласами, запи-сывает на магнитофон аплодисменты толпы и кланяется с балкона, чтобы ввести в заблуждение гостей. Товарищ Винсана Поль

работает в баре гардеробщицей и носит накладной бюст, платье и парик, чтобы не потерять работу...

Отар Иоселиани – режиссер, уехавший от нас на Запад еще в советские времена и до сих пор сохранивший способность говорить с нами, пусть и на французском. Каким-то странным образом его герои становятся родными с первой минуты и вызывают щемящее сочувствие до самого конца. Может, дело все в том, что он

из тех счастливых профессионалов, которым выпала участь быть полиглотами и говорить на своем эсперанто со всем миром – ведь и в Европе его понимают, награждают и любят. А может, хитрец Иоселиани проявил всю свою восточную мудрость и попал в святая святых – небольшую кладовую с крошечной дверцей, в которой хранится то, что литературоведы называют умным словом «коллективное бессознательное».

Сидит себе в этой уютной кладовочке, перебирает скопившиеся веками раритеты, стирает с них пыль и выпускает полетать на экране. А каждый зритель, закрыв глаза на секунду, четко ощущает – вот оно, общее, и в то же время свое, до боли понятное.

Да, скажете вы, но разве что очень ленивый режиссер умудрится снять такую картину, в которой не будет хоть чуточку всем близких вещей. Наверное... Только если каждая вещь близка и при этом фильм оригинален и вызывает не безудержный рев по себе несчастным, а сочувствующую улыбку или дружный хохот – тут потрудиться надо. ■



Отар ИОСЕЛИАНИ:

ВСЕ НА СВЕТЕ КОНЧАЕТСЯ ПЛОХО

шествие, но вряд ли доехал до Китая, скорее всего, застрял где-нибудь в Персии или Турции. Привез оттуда рецепты приготовления макарон, пельменей и пороха. Правители сделали эти знания секретными, а Марко Поло стал невыездым. Он сидел на берегу лагуны и смотрел на море, и очень хотел уехать, но не мог. Это как Пушкин писал: «Дернул меня черт с таким умом и талантом родиться...» Сами знаете, где Венеция – замкнутое, прекрасное, декоративное место, но в ней все гниет, все раз-

рушается. Во время съемок у нас утонула маленькая лодка – венецианец, родившийся в Венеции, не мог ею управлять. Так вот, когда мы его вытащили на берег, то не могли отмыть целый час. Такая грязная вода, вы себе не представляете. Я привел своего героя в самый прекрасный город мира, чтобы доказать одну простую истину – везде одно и то же. И люди одинаковы. Так же ходят на завод, так же вкалывают каждый день, мучаются, но любят места, где живут, пусть эти места несчастные, убогие. Я, нап-

имер, считаю, что лучше страны, чем Грузия, не существует, и, конечно, ошибаюсь. Я считаю, что лучше города, чем Москва, на этом свете нет. Другого такого безобразного, уродливого, кошмарного, противоречивого. Все толкаются, хмят. Ну где еще хмят так, как в Москве? Нигде. Поэтому я этот город обожаю.

– Как строятся ваши отношения с актерами?

– Я очень боюсь профессиональных актеров, поскольку, на мой взгляд, они лишены личност-

ных качеств. Каждый из нас – актер. Все мы вруны, все притворяемся, изображаем что-то. Стараемся скрыть, кто мы такие на самом деле. Все актеры в этом фильме как раз таковы.

– Судя по фильму, вы больше симпатизируете провинциалам, нежели горожанам.

– Современное понятие «провинциал» – очень уродливое, презрительное. Считается, что это человек, который не в курсе дел нашей шикарной светской жизни. В Грузии в XIX веке дворянские семьи отдавали детей на воспитание крестьянам. Там они узнавали, что такое вежливость, почитание старших, язык, песня. Наверное, провинция более поэтична... Но не забывайте, что фильм выдуман мной от начала до конца и не имеет ничего общего с реальностью.

– В «Утре понедельника» герой очень спокойно относится к тому, что его обокрали. Вы сами так же просто смотрите на такие вещи?

– Я считаю, что вор, профессиональный вор, гораздо благороднее того, у кого он ворует. Я его уважаю.

Записал
Сергей СИНЯКОВ

– Свой старый фильм «Жил певчий дрозд» вы охарактеризовали как «небрежную трагедию». Какое обозначение вы бы дали новой картине?

– Небрежная трагедия? Неужели я такую глупость мог сказать? Нет, пожалуй, не мог. Или, может, был поддавши, все бывает. Но в принципе, нет, «Жил певчий дрозд» – не небрежная трагедия. Скорее, грустная комедия, как и «Утро понедельника». Все комедии – мои, и других режиссеров, которых я люблю, Чаплина, Барнета, раннего Памфилова, – грустны. Терпеть не могу фильмов Александрова. «Волга-Волга», «Веселые ребята» эти... Каждому из нас известно, что все на этом свете кончается плохо. Но я не люблю, когда по этому поводу занудствуют, и предпочитаю смотреть на жизнь иронично. Серьезные люди очень смешны. Почитайте Булгакова, Ильфа и Петрова, «Историю города Глупова».

– Почему вдруг возникла Венеция?

– Венеция всегда была террористическим, тоталитарным государством, хотя и называлась республикой. Управлял ею Верховный Совет дождей. Взять, например, Марко Поло. Он отправился в путе-